ORCID 0000 0003 0834 9090
https://doi.org/10.58187/rim.137-138.10
CZU:94([47+57]:498)''1902/1912'':327.82

PERSONALITĂȚI

А.С. Стыкалин*

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ГИРС – ПОСЛАННИК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РУМЫНИИ (1902–1912 ГГ.)

MIKHAIL NIKOLAYEVICH VON GIERS – THE ENVOY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN ROMANIA (1902–1912).

Abstract: The article focuses on the most important stage in the diplomatic career of Mikhail Nikolayevich von Giers (1856-1932), one of the highly professional Russian diplomats of the late 19th – early 20th centuries. We are concentrating on his 10-year service at the head of the Russian diplomatic mission in Romania, since 1902 till 1912. The son of the long-time Minister of Foreign Affairs of the Russian Empire Nikolay Karlovich von Giers (1820-1895), Mikhail N. von Giers from a young age associated himself with the diplomatic department, his career developed in the countries of Latin America and the Far East, the outbreak of the First World War found him as ambassador to Turkey, and the collapse of Empire as ambassador to Italy. However, it was von Giers' activities in Romania that left really noticeable mark in the history of Russian diplomacy. Based on von Giers' diplomatic reports from Bucharest, the article examines his view on a wide range of problems of international relations in the Balkans in a broader pan-European context, including ways to resolve the Bosnian crisis of 1908-1909, unraveling the tangle of contradictions in Macedonia, and the intensification of Austro-Hungarian diplomacy in the Balkans (and above all in Bulgaria) in the context of an increasingly weakening Turkish influence in the region and the anticipated complete ousting of Turkey from South-Eastern Europe, the intensification of the Austro-Serbian confrontation and of the geopolitical rivalry between Vienna and St. Petersburg on the eve of the Balkan Wars 1912-1913. An attempt has been made to show in all their diversity von Giers' contacts with representatives of the Romanian royal house and the political elite. The article analyzes von Giers' reaction to the revival of Romanian nationalism in its inextricable connection with the situation and the status of Romanians in Austro-Hungarian Thansylvania and also the emergence of the Bessarabian Romanians movement in the Russian Empire. The years of von Giers' stay

* **Stycalin Alexandr S.,** PhD, coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow.

in Bucharest coincided with Romania's slow drift from orientation towards the Central Powers to rapprochement with the Entente, and his undeniable merit was the gradual overcoming by the Romanian elite of distrust of Russia as a partner. The apotheosis of this trend was the meeting of the monarchs of the two countries in Constanţa shortly before the outbreak of the First World War, which was prepared largely due to previous activities of Mikhail N. von Giers.

Keywords: The Russian Empire, Russian Foreign policy in the Balkans, Romania, Mikhail N. von Giers, the Austro-Hungarian Monarchy, Bessarabia, the Romanian movement in the Russian Empire, the Balkan Wars of 1912-1913.

Выходец из старинного русского дворянского рода шведского происхождения сын министра иностранных дел Российской империи в 1882 – 1895 гг. Николая Карловича Гирса (1820 – 1895) Михаил Николаевич Гирс (1856 – 1932) относился к числу видных российских дипломатов начала XX в. На протяжении своей четвертьвековой дипломатической карьеры он побывал главой российской дипломатической миссии (посланником либо послом) в Бразилии (а по совместительству и в Аргентине), в Китае в период мощного Ихэтуаньского восстания рубежа века. Затем его карьера продолжалась в Румынии. Начало Первой мировой войны застало Гирса послом в Турции. В 1915 г. он стал послом в Италии, где после февраля 1917 г. представлял уже не Российскую империю, а Временное правительство. С приходом к власти большевиков М.Н. Гирс остался в эмиграции и связал себя с Белым движением, продолжая при этом заниматься дипломатией, но в несколько ином амплуа. Он был членом Русского политического совещания, образованного в Париже, возглавлял совет русских послов, созданный для представительства на международной арене зарубежных структур бывшей Российской империи, не признающих Советскую власть. В этом качестве он представлял и генерала П.Н. Врангеля на переговорах с державами-победительницами.

Наиболее длительный этап дипломатической карьеры М.Н. Гирса был связан с Румынией, где он служил 10 лет – с 1902 по 1912 год. За это время в истории обеих стран произошли значительные события, которые в той или иной мере сказались на двусторонних отношениях. Это революция 1905-1907 гг. в России, оставившая свой след и в румынской истории, поскольку двукратное прибытие в Констанцу в июне 1905 г. мятежного броненосца «Потемкин» на протяжении целой недели держало в напряжении всю страну[1], а по-

[1] На переговорах с румынскими властями после первой высадки в Констанце 20 июня мятежники отказались принять требование о капитуляции на условиях военных дезертиров, не подлежаших выдаче своей стране, и вернулись в море, объявив о намерении продолжить борьбу с царизмом. В конце концов осознание бесперспективности дальнейшего сопротивления заставило их в ночь на 25 июня вновь вернуться в Констанцу и принять в ходе новых переговоров условия румынской администрации.

следующее предоставление членам экипажа права убежища стало дополнительной нагрузкой для непростых российско-румынских отношений[2]. Это и мощное крестьянское восстание 1907 г. в самой Румынии, которое Гирс называл в своих донесениях «отголоском печальных событий, переживаемых нашим отечеством»[3] – в приграничной Бессарабской губернии в это время принимаются срочные меры в целях недопущения распространения беспорядков на территорию Российской империи, где по другую от Румынии сторону неширокой реки Прут проживало этнически родственное восставшим крестьянам население. Наиболее значительным событием международной жизни, пришедшимся на десятилетие, проведенное Гирсом посланником в Бухаресте, был Боснийский кризис 1908-1909 гг., завершившийся аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, находившейся после Берлинского конгресса 1878 г. под габсбургской оккупацией, но формально принадлежавшей Османской империи.

О М.Н. Гирсе вспоминает в своих мемуарах Ю.Я. Соловьев, один из немногих царских дипломатов, связавших себя после 1917 г. с советским Наркоминделом. По свидетельству Соловьева, который в 1906 – 1908 гг. был первым секретарем русской миссии в Румынии, само назначение Гирса на пост посланника в соседней и стратегически очень важной стране означало не только признание его заслуг на прежнем месте службы[4], но и повышение значимости румынского внешнеполитического направления в глазах официального Санкт-Петербурга, равно как и престижа русской дипломатии в Румынии. Гирс, пишет Соловьев, «был дипломатом старой школы и притом с определенно канцелярским уклоном»; он был не просто сыном преемника князя А.М. Горчакова Н.К. Гирса, на протяжении 13 лет возглавлявшего русскую дипломатию, но «фактически в течение 7 лет являлся личным секретарем своего отца»[5]. В силу этого он «велико-

---

[2] «Ни одна из перипетий, пережитых Россией за последнее время, не произвела такого впечатления, как известие о бунте на нашем броненосце и распространившиеся одновременно слухи о мятежном настроении, охватившем будто бы экипажи большинства судов нашего Черноморского флота», читаем в российском дипломатическом донесении 1905 г.. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 679. Л. 19.

[3] Там же. Д. 683. Л. 45.

[4] Надо сказать, что за свою эффективную деятельность в Китае в качестве посланника в период Ихэтуаньского восстания М.Н. Гирс был награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами. По его инициативе были приняты действенные меры в целях защиты Китайско-Восточной железной дороги и российских подданных.

[5] Род Гирсов дал и других видных дипломатов. Так, племянник Николая Карловича и двоюродный брат Михаила Николаевича Александр Александрович Гирс (1850 - 1923) входил в близкое окружение А.П. Извольского, как карьерный дипломат служил во многих странах, а в период Боснийского кризиса возглавлял Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Первая мировая война застала его посланником в Черногории. В отличие от многих царских дипломатов он не гнушался участия в партийной политике, был членом Союза 17 октября.

лепно знал все закулисные тайны министерства, но за границей выделялся лишь своей необыкновенной осторожностью, даже в разговорах с глазу на глаз». При этом М.Н. Гирс обладал физическим недостатком, в частности был несколько глуховат, что затрудняло для него общение в кругу нескольких лиц. Однако благодаря своей профессиональной компетентности он, по свидетельству Соловьева, завоевал в Бухаресте для себя и всего состава миссии весьма хорошую репутацию[6]. При Гирсе, утверждает Соловьев, с русской миссией в Бухаресте по своему влиянию могли конкурировать лишь германская и австро-венгерская.

Стоит заметить, что связи с румынскими землями были у рода Гирсов давние и, можно даже сказать, родственные – Николай Гирс начинал свою службу в 1841 г. драгоманом при российском консульстве в Яссах, а в 1848 г. был представителем МИД Российской империи при генерале А.Н. Лидерсе, командовавшем русскими войсками, занявшими Дунайские княжества в целях пресечения революции. В 1859 г. он был генконсулом в Молдавии и Валахии в момент объединения двух этих румынских княжеств. Александр Гирс довольно долгое время находился на дипломатической службе в Румынии в 1890-е годы. К этому можно добавить, что мать М.Н. Гирса (племянница А.М. Горчакова) относилась к румынскому боярскому и русскому княжескому роду фанариотско-греческого происхождения Кантакузен, оставившему заметный след в истории Дунайских княжеств, а родная сестра была замужем за многолетним румынским посланником в России Георге Розетти- Солеску. Сам Михаил Гирс в юности, по окончании Пажеского корпуса, стал участником русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Память о контактах с офицерами союзнической румынской армии он сохранял и через четверть века, периодически общаясь в Бухаресте с представителями военной элиты Румынии.

Что же касается М.Н. Гирса-дипломата, в источниках можно встретить разные, иногда весьма двойственные его оценки. Так, обосновавшийся в Италии левый русский журналист И.А. Крейнерт (1880 – 1948), больше выступавший под псевдонимом Ketoff, характеризует его как хотя и крепкого профессионала дипломатической службы, но прежде всего как человека системы, причем системы исторически обреченной. «Безукоризненный облик Гирса, – пишет он, – со всей определенностью выдавал в нем дипломата. Сдержанные движения, безразличная улыбка, даже манера его речи были точно выверены и придавали ему вид солидный и

[6] Тем более, что его предшественником на посту главы российской дипмиссии в Румынии был дипломат совершенно иного стиля, Н.А. Фонтон, склонный уделять слишком большое внимание светской жизни. Если верить Соловьеву, он жил в окружении двух француженок, «что даже для легкомысленного Бухареста было чересчур» (*Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 179-180).

значительный»[7]. Конечно, Гирс выгодно отличался от своего предшественника во главе русского посольства в Риме А.Н. Крупенского, выходца из влиятельнейшего дворянского рода Бессарабии, показанного мемуаристом полным ничтожеством. Он никогда не допускал профессиональных проколов. «Однако, чтобы понять, что он был за человек, нужно было наблюдать его вблизи, видеть его в те редкие моменты, когда он занимался служебными делами и не мог ограничиться скупыми жестами и отточенными формулами дипломатического этикета, но должен был высказываться решительно и открыто. Гирс был идеальной фигурой для абсолютистского режима. Он отлично владел приемами профессионального этикета, и при этом отличался исключительным невежеством в отношении собственной страны и своего народа, и совершенно определенно не был намерен вникать ни в то, ни в другое. Глубоко убежденный в мощи и жизнеспособности российского абсолютизма, он полагал излишним интересоваться всем тем, что находилось вне этой государственной формы, что ей противоречило или было враждебно. Как истинный служака российского царизма, он не видел и не мог видеть самых очевидных явлений в жизни своей страны, если они не входили в сферу его деятельности. Привыкнув существовать в замкнутой искусственной среде, он равным образом не желал узнать жизнь народа той страны, где ему довелось оказаться. Вся Италия сводилась для него к Риму, а Рим – к дворцу Консульта[8]. Причем эти особенности Гирса проистекали не из его принципов или личных убеждений, их можно скорее объяснить своеобразным складом ума: он всегда концентрировался на сиюминутных обстоятельствах, прямо связанных с текущим моментом, игнорируя всё прочее и совершенно не задумываясь о будущем, даже самом ближайшем». Что же касается личных принципов и убеждений, то мемуарист, будучи знаком с Гирсом достаточно близко, констатировал полное их отсутствие: «их место занимали конъюнктурные соображения и полнейшая беспринципность, что позволяло ему приспособиться к любым обстоятельствам»[9]. Очевидно, что в этих довольно едких характеристиках нашли отражение черты, присущие не только лично Гирсу и не только дипломатам его генерации.

Десятилетнее пребывание Гирса в Румынии пришлось на время, которое выдающийся историк В.Н. Виноградов характеризует как период медленного дрейфа Румынии к Антанте[10]. Хотя в экономике продолжало

---

[7] «Среди русских дипломатов». Из воспоминаний русского корреспондента в Риме // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2016. М.: ДРЗ, 2016. С. 198-199.

[8] Последний по времени своего создания дворец эпохи позднего барокко в Риме. В рассматриваемый период в нем располагалось министерство иностранных дел Италии.

[9] В мемуарах были приведены и конкретные примеры. См.: «Среди русских дипломатов». Из воспоминаний русского корреспондента в Риме. С. 198-199.

[10] См. его главу «Румыния: медленный дрейф к Антанте» в коллективном труде под его же редакцией: В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М.: Индрик, 2003. С. 135–164.

преобладать германское влияние, во внешнеполитических ориентациях проявляются все сильнее колебания, особенно с вхождением в политическую элиту молодого Ионела Брэтиану (1864–1927), перенявшего от отца, И.К. Брэтиану главенствующую роль в наиболее влиятельном в румынской политике клане. Это открывало перспективы улучшения не только румыно-французских, но и румыно-российских отношений[11]. В период Боснийского кризиса 1908-1909 гг. в политических кругах Румынии все сильнее выражалось недовольство слишком тесной привязанностью к Тройственному союзу на фоне продолжавшихся притеснений трансильванских румын[12] и не очень дружественной таможенной политики Австро-Венгрии, обусловленной незаинтересованностью прежде всего венгерских аграриев в проникновении румынской аграрной продукции на рынки Дунайской монархии[13]. Оценивая ситуацию в 1908 г., еще до разрешения Боснийского кризиса, Гирс предлагал воспользоваться ею в российских интересах, учитывая, что «сочувствие румын к австро-германской политике ея правителей очень охладело и рядом с этим почва к возбуждению более дружественного их отношения к нам становится благоприятнее, чем она была за последние 30 лет»[14]. Со временем критика румынскими политиками (независимо от их партийной принадлежности) Вены продолжала усиливаться[15],

---

[11] См.: *Каширин В.Б.* Румынские маневры: 1900 – 1914 гг. // История Балкан. На переломе эпох (1878 – 1914 гг.) / отв. редактор К.В. Никифоров. М.: Инслав РАН, 2017. С. 231 – 269.

[12] Особое возмущение общественного мнения в королевской Румынии вызвал новый венгерский школьный закон (так называемый закон Аппони, 1908), осложнивший условия функционирования румынских школ в венгерской половине двуединой монархии. Из литературы см.: *Стыкалин А.С.* Межэтнические трения в Трансильвании конца XIX – начала XX в. глазами русских наблюдателей // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII- XXI вв. / отв. редактор О.В. Хаванова. М.-Спб: Нестор-История, 2020. С. 115-135.

[13] Как явствовало из донесений русских дипломатов, в румынском высшем обществе в это время получили все более широкое хождение разговоры о том, что Румынию заставила сблизиться с Тройственным союзом проявленная к ней несправедливость: оказавшись в стане победителей в войне 1877-1878 гг., она должна была тем не менее вернуть России Южную Бессарабию, утраченную ею по итогам Крымской войны. И даже получение в качестве компенсации Добруджи не смягчило возобладавшего после 1878 г. антироссийского вектора в румынской политике, что привело к установлению союзнических отношений с Германией и Австро-Венгрией. Однако пренебрежение в Вене интересами Румынии, по оценке российских дипломатов, сделанной на основе бесед с румынскими деятелями, давало последним основания задуматься над необходимостью более прагматичной политики, не предопределенной принадлежностью страны к определенному союзу.

[14] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 688. Л. 58.

[15] Большое раздражение в Бухаресте, например, вызвало то, что венский кабинет, не спросив румын, бесцеремонно обещал Болгарии румынский нейтралитет в деле провозглашения полной независимости Болгарского государства. При всем сочувствии чаяниям болгар румыны сами хотят располагать собой, а не быть пешкой в политических играх Вены, говорили Гирсу его румынские собеседники (Донесение от 26 октября 1908 г. См.: Там же. Л. 686. Л. 178-181).

публикуются резолюции с осуждением сохраняющегося «венгерского гнета» над трансильванскими румынами. Российская миссия информировала свой МИД о принятых на этом фоне мерах по дополнительной охране австро-венгерского посольства.

Довольно большое внимание М.Н. Гирс уделял поддержанию монархических связей Российской империи с румынским королевским двором, не упуская случая по тому или иному поводу посетить не только бухарестский зимний дворец, но и летнюю королевскую резиденцию в Синае, на восточных отрогах Южных Карпат. В его аналитических записках и донесениях даются характеристики короля Кароля (Карла, из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов), его племянника и наследника Фердинанда, писал он и о роли самого монархического института в политической системе Румынии, принимая во внимание то обстоятельство, что ни один действительно серьезный законопроект (независимо от того, находятся ли у власти либералы или консерваторы) не выносится на парламентское обсуждение, не получив предварительного одобрения монарха. Обеспечив за собой решающий голос в государственных делах (особенно во внешней политике), король, находящийся у власти более 4 десятилетий[16] и верящий в свою миссию, вселил в своих подданных убеждение, что его влияние не только выступает залогом определенного уважения к Румынии в мире (особенно со стороны Центральных держав), но во внутриполитическим плане способно выступить противовесом узким партийным стремлениям, преодолеть ситуацию, когда у партий, оказавшихся у власти, ослабленных раздорами, нет ни энергии, ни воли для принятия решительных мер[17]. С тем большим вниманием румыны следят за здоровьем уже пожилого короля. Влияние короля на политическую жизнь, пишет Гирс, «настолько значительно и благотворно, что им вполне объясняется то волнение, которое охватывает общественное мнение при известии об ухудшении состояния его здоровья»[18]. Внутриполитическая борьба в таких случаях обостряется, каждая

[16] Кароль Гогенцоллерн-Зигмаринген (1839 – 1914) стал князем объединенных княжеств Молдовы и Валахии в 1866 г., после свержения своего предшественника Александру Иоана Кузы. С преобразованием этого государства (получившего полное международное признание на Берлинском конгрессе 1878 г.) в 1881 г. в королевство короновался в качестве короля Румынии.

[17] «Насколько низко пал нравственный уровень этих партий», завязших в мелких дрязгах, «настолько же возрос за последние годы авторитет короля Карла, являющегося в стране единственным элементом благоразумия и прочности», констатировал Гирс (Documente privind istoria românilor / Дипломатические документы российских представителей в Румынии. 1899 – 1905. Ed. F. Solomon etc. Bucureşti-Brăila, 2020. P. 608).

[18] Цитата из донесения сентября 1906 года. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 168. См. аналогичные рассуждения и в другом, февральском донесении того же года: Там же. Л. 24-28. Надо сказать, что по мере пребывания Гирса в Румынии его взгляд на короля Кароля менялся, становился более уважительным. В ранних своих донесениях (1903 г.) он склонен был видеть в Кароле прежде всего проводника не национальных, а

из ведущих партий надеется быть у руля в момент, когда произойдет смена монарха, опасаясь, что ее противники злоупотребят властью в свою пользу, а возможности злоупотребить на выборах были для правящей партии безграничны[19]. Впрочем, «возможность перемены царствования» внушала, как замечал Гирс, не только партийным политикам, но и рядовым «румынам некоторые опасения за будущность, представляющуюся им вполне неизвестною»[20]. Наследный принц Фердинанд при этом воспринимался румынской элитой и обществом как деятель не только менее опытный, но в принципе меньшего, нежели Кароль, масштаба, способный попасть под чужое влияние, идет ли речь о влиянии другого государства или кого-либо из сильных румынских политиков[21].

При всем своем авторитете Кароль, дорожа своей самостоятельностью, был в то же время, по оценке Гирса, очень осторожным политиком, опасавшимся преждевременно заключать какие-либо формальные международные соглашения и «политические договоры, могущие связать Его свободу действий в будущем. Его практичному уму … соответствовало бы более желание подготовить почву ко всяким случайностям, сохраняя за собой возможность воспользоваться ими лишь настолько, насколько они окажутся выгодными»[22]. Это имело свои преимущества и с точки зрения интересов России. «С ослаблением же его воли или же с воцарением Его

чужеземных (германских) влияний, при всех своих достоинствах так и не снискавшего любви и популярности среди своих подданных: он «слишком явно обнаруживал свое пренебрежение к управляемому им народу и придал всей своей деятельности характер чужеземного благодеяния, основанного на убеждении, что будущность Румынии кроется в ее германизации и в водворении в нее германских интересов». См.: Documente privind istoria românilor P. 396-397. Однако уже в декабре 1905 г. Гирс должен был признать: не будучи любимым в Румынии, король Карл, сумел, однако, благодаря своей настойчивости и выносливости снискать авторитет и сосредоточить власть в своих руках (Ibid., P. 608).

19 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 57 – 59. Наблюдая за румынской внутриполитической жизнью, русские дипломаты описывали случаи, когда после принятия королем решения о смене кабинета партия, на которую делалась ставка, по сути организовывала выборы «под себя», имея механизмы для обеспечения своей победы. Во время сопровождавшихся полным произволом и злоупотреблениями избирательных кампаний румынские государственные деятели, по резонному замечанию Гирса, в большей мере стремились завлечь избирателя, нежели «отстоять убеждения, редко устойчивые». См. также: Documente privind istoria românilor. P. 487-488, 496, 506-507 etc. Отношение русской дипломатии к румынской электоральной практике оставалось негативным, ведь поверхностно заимствовав некоторые западные формы организации политической жизни, румынская элита так и не сумела органично привить их на национальную почву (Ibid., P. 51).

20 Из донесения июля 1908 г. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 143.

21 «Отдавая справедливость высоким качествам своего монарха», замечал Гирс, румыны особенно дорожат им в тревожное для Европы время, тем более, что наследник – «далеко не выдающаяся личность, не внушающая им доверия и уважения» (Documente privind istoria românilor. P. 608).

22 Из донесения января 1908 г. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 6.

наследника, политический облик коего недостаточно еще выяснился, обстоятельства могут измениться и нынешние несомненно близкие отношения Румынии не только к Австро-Венгрии, но и к Германии принять более формальный и обязательный характер»[23].

Большое значение М.Н. Гирс придавал династическим контактам. Он не раз напоминал своему МИДу о том, что в условиях, когда румыны взвешивали возможности ослабить решающее влияние Центральных держав на свою внешнюю политику, никак нельзя было задевать их самолюбие. Необходимо было считаться с тем, что румынское общественное мнение всегда было чувствительно к посещению страны высокими особами, при этом внимательно следило за жестами уважения, проявленными Россией к другим монархиям региона (Греции, Сербии, Черногории, Болгарии). И если в Румынии проявляли настойчивое желание, чтобы на торжества по случаю 40-летия пребывания Кароля у власти (и одновременно 25-летия его коронации в качестве короля) прибыл один из наиболее влиятельных великих князей из рода Романовых, эту просьбу было бы целесообразно, по мнению Гирса, удовлетворить. Вопрос о посещении Румынии высокими особами Дома Романовых по тому или иному поводу вставал довольно часто, что находило отражение в переписке М.Н. Гирса с российским МИДом[24].

Вполне естественно, что в донесениях российского посланника в Бухаресте уделялось первоочередное внимание анализу положения в балканском регионе. М.Н. Гирс справедливо замечал, что румынская элита ревниво отрицает принадлежность своей страны к числу балканских, считая ее в большей мере среднеевропейским государством, якобы давно освободившимся от тревог, до сих пор волнующих жителей Балканского полуострова. Вместе с тем в силу уже своего географического расположения она не скрывает своих политических интересов на Балканах, не может оставаться безучастной к развитию событий в близлежащем регионе и строит свою политику здесь на основе если не сохранения статус-кво, то во всяком случае поддержания равновесия[25]. При этом хочет предстать перед балкански-

---

[23] Там же.

[24] А осенью 1909 г. Гирс лоббировал на Певческом мосту предложение Ионела Брэтиану о посещении румынской наследной четой Ливадии для аудиенции у Николая II и бесед с другими высокопоставленными особами. Правда, эта инициатива не получила поддержки российского императора, приезд был сочтен несвоевременным. В высочайшей секретной телеграмме, пересланной из МИДа Гирсу, говорилось: «Братиано следует дать понять, что его приверженность к сближению с Нами ценится Мною и что в будущем это посещение может состояться». Вместе с тем император выразил пожелание, «чтобы за Ливадиею и впредь сохранялось значение местопребывания исключительно для отдыха», а не для встреч, имеющих политическое значение. См.:Там же. Д. 2789. Л. 8 – 11.

[25] Требование соблюдения равновесия в отношениях между балканскими государствами стало в этот период одной из базовых идеологем румынской внешней политики.

ми соседями «авангардом Европы на Балканах» и одновременно показать себя в глазах великих держав фактором стабильности, силой, способной при необходимости «возвысить свой голос» и дать элитам соседних государств «советы благоразумия»[26].

В годы пребывания М.Н. Гирса на дипслужбе в Румынии резко обострились румыно-греческие отношения. Причиной стали насильственные акции греческих радикалов против этнически близкого румынам населения, составлявшего определенный процент жителей балканских владений Османской империи (прежде всего Македонии)[27]. Македонские греки при поддержке афинского правительства настаивали на богослужении в районах проживания этой этнической группы (куцовлахов) на греческом языке, препятствовали созданию румынских школ. В свою очередь Константинопольская патриархия, будучи готовой пойти на некоторые уступки куцовлахам в школьном деле, вместе с тем категорически противилась созданию у них собственной церковной организации со своей иерархией. Всё это приводило к ответным акциям: в Румынии учащаются случаи террора (поджоги домов, покушения на отдельных лиц) против проживавших в стране этнических греков, примерно 80-тысячного национального меньшинства, обладавшего весомыми позициями как в экономической, так и в церковной жизни в некоторых городах страны[28]. Это привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами, и российской дипмиссии пришлось представлять в Бухаресте интересы Греции, что создавало официальному Санкт-Петербургу определенные неудобства, особенно в свете не прекращавшихся инцидентов.

В своих многочисленных донесениях, касавшихся этого вопроса, Гирс постоянно напоминал о том, что Россия в данном случае никак не является одной из сторон конфликта[29], а если и может посредничать, то крайне осторожно, тем более в условиях, когда румыны периодически прибегают к запугиванию своих оппонентов возможным русским вмешательством,

---

[26] См., в частности: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Д. 219; Д. 686. Л. 223-224об.; Д. 689. Л. 94-95.

[27] Македоно-румыны или аромуны. В российской дипломатической корреспонденции за ними закрепился этноним «куцовлахи».

[28] Эти нападения совершали, как правило, выходцы из куцовлахов, переселившиеся в Румынию. О том, что «преступное своеволие македонцев» вредит доброму имени Румынии, Гирс говорил и королю в ходе периодических аудиенций (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 37). При этом в своих донесениях в МИД он обращал внимание на осторожность опытного монарха в куцовлахском вопросе, значимость которого с точки зрения интересов страны он никак не хотел раздувать.

[29] Современные румынские исследователи Ф. Соломон и А. Кушко справедливо видят суть конфликта в «динамике конкурирующих национализмов, которые все более определяли внешнеполитические приоритеты развивающихся государств Юго-Восточной Европы и осложняли игру великих держав в данном регионе» (Documente privind istoria românilor. P.48).

чтобы побудить османские власти и Константинопольскую патриархию к уступчивости по отношению к «румынским вожделениям»[30]. Вообще, по принципиальному убеждению Гирса, России никак не следовало поддаваться попыткам вовлечь себя в крайне запутанный клубок македонских противоречий на чьей бы то ни было (болгарской, сербской и т.д.) стороне, особенно если это угрожало ухудшением отношений с Константинопольской патриархией[31]. Требование обеспечения богослужения куцовлахов на родном языке он считал при этом вполне справедливым (против этого по большому счету не возражали и османские власти), тогда как другое, создания самостоятельной епископии для них – чрезмерным: Патриархия никогда на это не пойдет, упорство может только усугубить положение румыноязычного населения Македонии. Он понимал, что в этом конкретном вопросе румыны едва ли смогут заручиться и поддержкой извне, со стороны какой-либо из великих держав [32]. Со стороны официального Санкт-Петербурга предпринимались попытки воздействовать на обе стороны в целях недопущения того, чтобы куцовлахский вопрос испортил отношения Румынии не только с Грецией, но и с Турцией. Любое резкое движение с румынской стороны, как отмечалось в одной из депеш с Певческого моста Гирсу (май 1905 г.), «при нынешних тревожных обстоятельствах создает лишь благоприятную Оттоманскому правительству почву для борьбы против балканских православных народностей», что же касается куцовлахского населения, то «в его выгодах не устранять крайней резкостью» своей позиции «возможности полюбовного решения возникших между Румынией и Турцией недоразумений»[33].

Перспективы румыно-болгарских отношений, непростых к моменту прибытия Гирса в Бухарест, рассматривались им в контексте назревших (а с июля 1908 г., с начала младотурецкой революции, реально происходивших) внутриполитических изменений в Османской империи. Пользуясь слабостью последней, князь Фердинанд из Саксен-Кобург-Готской династии провозгласил в сентябре 1908 г. полную независимость Болгарии и продолжал править ею уже в качестве царя. Ввиду не скрывавшихся в Софии претензий на Одрин (Эдирне, Адрианополь) с Фракией, на выход

---

30 Там же. Д. 680. Л. 179-180об.

31 Там же. Д. 680. Л. 148-149об. У России, как это подчеркивалось и в депешах МИД Гирсу, не было интереса и в том, чтобы румыно-греческие «недоразумения» негативно сказались на отношениях Санкт-Петербурга с Бухарестом (Там же. Д. 681. Л. 27).

32 Защищать перед Константинопольской патриархией право куцовлахов отправлять культ на родном языке он считал возможным, в то же время российской дипломатии, по его мнению, никак нельзя было поддерживать те «стремления, при исполнении коих Великие Державы сами создали бы новые затруднения к улажению без того уже сложного вопроса о водворении спокойствия в македонских провинциях Османской империи» (Там же. Д. 680. Л. 173-174об).

33 Там же. Д. 678.

к Эгейскому морю, а также на бóльшую часть Македонии, витали в воздухе ожидания болгарско-турецкого столкновения. Предвидя еще в 1906 г. острый конфликт между Болгарией и Турцией, Гирс постоянно отмечал опасения румын, что при дележе османского наследства в Юго-Восточной Европе, на которое помимо Болгарии претендовали Греция, Сербия и Черногория, они могут оказаться в проигрыше, если нарушится равновесие сил в регионе и, в частности, Болгария усилится в ущерб Румынии и сможет даже заявить претензии на пересмотр в свою пользу границ в Добрудже[34]. С румынской стороны в ходе контактов с болгарскими официальными лицами давали понять, что в Бухаресте заинтересованы в дружбе с южной соседкой и ее полной, международно признанной независимости от Турции, однако при определенных гарантиях собственной безопасности: чтобы в случае значительного территориального расширения Болгарии Румыния получила бы право на вознаграждение – речь шла об уступке ей болгарами придунайского города-крепости Силистра (Силистрия). Румыния, прогнозировал Гирс дальнейшее развитие событий, «несомненно будет порываться, насколько позволят ей обстоятельства, противодействовать слишком быстрому развитию международного положения Болгарии или же, для сохранения нынешнего соотношения сил добиваться соответствующей компенсации»[35].

Постановка с румынской стороны вопроса о праве на получение компенсации от болгар в виде Силистрии (в случае их усиления) не теряла актуальности до конца дипмиссии Гирса в Бухаресте (что находило постоянное отражение в его донесениях[36]), а особую остроту румыно-болгарский

---

[34] Стремясь сохранить добрососедские отношения с Болгарией, Румыния всё же, опасаясь за участь Добруджи, по наблюдению Гирса, «не перестает относиться крайне ревниво к каждому шагу Княжества на пути к его независимости или к его усилению» (Там же. Д. 680. 162-163). См. также: Там же. Л. 143-147об, 165-167об., 188-190об., 198-199. В первом из этих донесений, от 25 августа 1906 года, Гирс по итогам беседы с министром иностранных дел генералом Я. Лаховари ссылался на начатое Болгарией перевооружение, сопровождаемое возбуждением общественного мнения против турок. Во втором из них, от 19 октября 1906 г., он писал о желании румынской элиты загодя, не доводя дело до конфликта, договориться с Болгарией о пересмотре границ в ожидании более существенных территориальных изменений на Балканах. В свою очередь, русская миссия в Софии в октябре 1906 г. излагала свое видение событий: в румынские расчеты не входит способствовать усилению Болгарии, так как интересы и цели двух стран далеко не везде гармонируют друг с другом, существует лишь некоторое их совпадение в македонском вопросе, поскольку дело касается борьбы против общих противников – Вселенской Патриархии и греческих банд (Там же. Д. 682. Л.26).

[35] Донесение от 16 июня 1907 г. См.: Там же. Д. 686. Л. 91.

[36] «Румынское правительство, не питая предвзятых враждебных чувств к Болгарии, живет под страхом нарушения равновесия на Балканах чрезмерным усилением соседнего молодого королевства в ущерб Румынии», - писал он в декабре 1911 г. (Там же. Д. 693. Л.153-154). Собственно говоря, и проблемы Македонии при всей рассчитанной на отечественную публику патриотической панрумынистской риторике интересовали

территориальный спор вокруг этой крепости и прилегающих к ней территорий Южной Добруджи приобрел вскоре после его отбытия из Бухареста, с началом осенью 1912 г. Первой Балканской войны, по мере успехов болгарской армии. Претензии на Силистрию послужили поводом для вступления Румынии летом 1913 г. во Вторую Балканскую (Межсоюзническую) войну, завершившуюся для Болгарии трагическим исходом. Став яблоком раздора между двумя соседними государствами, Силистрия отошла, как известно, Румынии по итогам этой войны по Бухарестскому мирному договору 1913 г. и принадлежала ей до 1940 г.

Румынско-болгарские отношения находились в тесной связи с румыно-турецкими. Декларируя свой нейтралитет там, где дело касалось болгаро-османских противоречий, румыны в то же время, по наблюдению Гирса, не прочь были иногда шантажировать турок своим возможным сближением с Болгарией, чтобы добиться от них уступок, касающихся положения куцовлахов (македоно-румын)[37]. Если Порта желала видеть в Румынии определенный противовес усиливающейся и все более опасной для себя Болгарии[38], то София не хотела уступать Стамбулу инициативу на румынском направлении внешней политики, ощущая для себя угрозу в возможном румыно-турецком сближении. Оценивая перспективы такого сближения, Гирс полагал, что король Кароль в силу присущей ему осторожности не доведет дело до заключения военной конвенции с Турцией с принятием на себя определенных обязательств[39], поскольку это может создать Румынии осложнения в отношениях практически со всеми балканскими государствами, а отнюдь не только с Болгарией. Скорее он предпочтет иметь свободные руки, будет выжидать, чтобы в конце концов встать на сторону более сильного в споре между государствами региона. Вместе с тем при всей сомнительности румыно-турецкого союза Румыния не только не поддержит Софию в случае болгаро-турецкого военного конфликта, но и сосредоточит свои войска вдоль болгарской границы, что явно невыгодно Болгарии в силу имеющихся у нее с Румынией территориальных проблем. Помимо всего прочего, независимо от изменений общественных настроений, в стране сохранялось сильное австро-венгерское влияние, и Гирс считал маловероятным, чтобы осторожный король согласился бы

румынскую элиту, как не без оснований полагал Гирс, не столько в связи с судьбой этнически близких, но довольно малочисленных куцовлахов, сколько из опасений территориального расширения Болгарии. См.: Documente privind istoria românilor. P. 406.

[37] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 682. Л. 49. По убеждению Гирса, румыны, претендуя на Силистрию, не имели никакого интереса связывать себя с болгарами в военном отношении, но видимостью переговоров хотели произвести впечатление на Стамбул (из донесения 1906 г.).

[38] Гирс был прав, в своих донесениях отмечая некоторую общность Турции и Румынии в подходе к проблеме равновесия на Балканах.

[39] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 44.

связать свою страну союзными обязательствами, которые не были бы одобрены Веной.

На рубеже 1900-х – 1910-х годов, по мере осложнения положения в балканском регионе и назревания острых вооруженных конфликтов всё большее значение приобретала оценка потенциала румынской армии. Его анализ входил в компетенцию аккредитованных в Румынии представителей военного министерства (военных агентов)[40]. Это, однако, не означало, что возглавляемой Гирсом дипмиссии приходилось полностью отстраняться от изучения таких вопросов, особенно на фоне внутриполитической нестабильности в самой России. В ноябре 1905 г., в разгар русской революции, бессарабский губернатор А.Н. Харузин[41] обращался в российское консульство в Яссах за подтверждением информации о сосредоточении вдоль границы по реке Прут румынских войск. Вставал вопрос о том, представляет ли это угрозу целостности российского государства в случае возникновения в Бессарабии серьезных беспорядков в среде молдавских крестьян (чем могли бы воспользоваться прорумынски настроенные агитаторы), усиления сепаратистских тенденций в масштабе всей империи и стремления Румынии при поддержке Австро-Венгрии, использовав внутренний кризис, переживаемый Россией, заявить свои территориальные претензии хотя бы на часть Бессарабии. Хотя Гирс считал такого рода опасения преувеличенными, он неустанно держал саму проблему в поле зрения[42]. Учитывая существование в Румынии разного рода панрумынистских «патриотических обществ», в условиях хаоса в России пускающих слух о том, что румынский корпус мог бы овладеть при благоприятных условиях Бессарабией, и более того, направляющих через Прут эмиссаров для пробуждения среди молдавских крестьян национальных чувств, бессарабским губернским властям, по его мнению, никак нельзя было упускать всё это из виду[43].

---

[40] Деятельность русской военной агентуры в балканском регионе в этот период подробно рассматривалась в работах: *Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900-1914 гг. М., 2003. С. 352-399; *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.

[41] Сегодня известный больше как видный ученый-этнограф.

[42] Вопрос этот не раз всплывал и в дальнейшем, судя, в частности, по документам 1908 г., когда русская революция ушла в прошлое, но международные отношения осложнил Боснийский кризис. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Оп. 686. Л. 80; Ф. 169/2. Оп.511/2. Д. 2. В Бессарабии распространились осенью 1908 г. слухи о том, что Румыния собирает 100-тысячную армию и размещает ее вдоль Прута в целях противодействия гипотетическому проходу русских войск на Балканы с тем, чтобы помочь Болгарии в войне с Турцией, а Сербии в войне с Австро-Венгрией (а кроме того вооружает население, создает отряды местной самообороны). Гирс считал такого рода предположения не основанными на реальной оценке ситуации. См.: Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 688. Л. 47, 55.

[43] Там же. Д. 2796.

На годы дипломатической службы М.Н. Гирса в Румынии пришлось строительство при иностранной помощи порта в Констанце, «морских ворот» страны, в целом отвечавших современным европейским стандартам, – этой теме, а в более широком плане интеграции (довольно успешной) в румынское государство Добруджи, приобретенной в 1878 г. волей великих держав, и ее румынизации[44] в документах дипмиссии уделялось большое внимание. Проекты превращения Румынии в морскую державу предполагали и создание военно-морского флота, что, по мнению Гирса, не отвечало российским интересам как знак чрезмерного и слишком демонстративного военного усиления соседней малой страны[45].

В бытность посланником в Бухаресте М.Н. Гирс уделял должное внимание отношению румынской элиты и более широкого общественного мнения к положению этнических румын в соседних странах – Австро-Венгерской монархии, где более 3 млн. румын проживало в Трансильвании, Банате, Восточной Венгрии, Буковине[46], а также в Российской империи, где они компактно проживали (численностью более 1 млн. человек) не только в Бессарабской, но и в Херсонской губернии. Российский дипломат обращал внимание на всеобщность убеждения румын в том, что «этнографическая карта» (так определил он карту расселения румын) далеко заходит за пределы «карты политической», т.е. за пределы Королевства Румыния, и это внушает многим надежды на возможность расширения территории страны. Если другие балканские государства, возникшие на развалинах Оттоманской империи, как правило, ограничивают свои «вожделения» пределами этой империи, «взоры Румынии ввиду ее географического положения прикованы к сопредельным и единоплеменным ей провинциям двух политически мощных империй [т.е. России и Австро-Венгрии – А.С.]. Обстоятельство это, обнаружив всю несбыточность румынских мечтаний, тем не менее их не прекращает; лишая их всяких трезвых основ, оно ве-

[44] Данные о менявшемся национальном составе этого поликультурного края постоянно приводились и в документах российской дипмиссии. Следует иметь в виду, что начиная со средневековья Добруджа была пристанищем для мигрантов и на момент ее вхождения в состав Румынии здесь проживали как мусульмане (турки; потомки переселившихся крымских и буджакских татар), составлявшие в конце XIX в., по встречающимся в источниках данным, не менее трети населения края, так и православные румыны, болгары, греки, а на севере, близ устья Дуная, преобладали переселившиеся целыми селами сюда, на пустующие земли Османской империи, русские старообрядцы-липоване, а также украинцы (выходцы из Запорожской Сечи). И те, и другие проживали в Северной Добрудже компактно. После 1878 г. приглашаются и селятся также немецкие колонисты.

[45] Чтобы не поощрять такого стремления румынской стороны, он предложил оставить без внимания поступивший из Бухареста в Петербург запрос об аккредитации Россией не только военного, но и военно-морского агента (атташе). См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 169-170.

[46] В отличие от других вышеперечисленных земель Буковина входила в состав не венгерской, а австрийской половины дуалистической монархии.

дет к болезненному процессу румынского политического мировоззрения, отымая подчас у местных политиканов всякую уравновешенность»[47]. Правительство, отмечал он также, старается пробудить в своих подданных чувство единения с соотечественниками за рубежом, воспитывая в них идею о будущем соединении под одной властью[48]. Аналогичный «дух румынской солидарности» поверх существующих границ деятельные агитаторы пытались развить в зарубежных единоплеменниках, получая отпор как российских, так и венгерских властей, но иногда имея успех (например, в австрийской Буковине, где румыны обильно представлены в местном сейме)[49]. Главным, наиболее принципиальным врагом румын пропаганда вполне обоснованно представляла венгров, причем глубоко укорененная вражда к ним весьма причудливо сочеталась с принадлежностью обеих стран к Тройственному союзу[50]. Вена, в свою очередь, понимая взрывоопасность трансильванской проблемы, ставящей под угрозу целостность всей конструкции дуалистической монархии, стремилась по возможности переключить внимание румынской элиты с Трансильвании на Македонию и куцовлахский вопрос, а также на Бессарабию.

М.Н. Гирс особо отмечал влияние на усиление румынского национализма[51] как внутренних потрясений 1905-1907 гг. в России, так и острого политического кризиса 1904-1906 гг. в Венгрии, ставшего первым серьезным внутренним вызовом системе австро-венгерского дуализма, продемонстрировав укрепление венгерских националистических сил, готовых поставить перед Веной вопрос о пересмотре базового соглашения 1867 г. Эти события, по оценке русского посланника, придали новую силу «национальным вожделениям румын», причем наиболее горячие из активистов лелеяли надежды, что благодаря смутам в двух соседних империях близок час, когда можно будет «наложить руку на Трансильванию» или по крайней мере добиться пересмотра границ в пользу королевской Румынии[52].

---

47 Донесение от 10 августа 1907 г. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л. 175об.

48 См.: Там же. Д. 680. Л. 153-155об.

49 См. донесение о приезде делегации румын из Буковины: Там же. Д. 686. Л. 72-73; Д. 1704.

50 Там же. Д. 683. Л. 75-78. Возбуждение трансильванских румын против венгров, усилившееся из-за неуступчивости венгерских властей их требованиям, по оценке Гирса, «находит полное сочувствие в их соплеменниках Королевства», а поскольку сношения с венгерскими румынами становятся всё ближе, это порождает «здесь надежду, что трансильванцы, нисколько до сих пор не желавшие присоединения к Румынии, отнесутся благоприятнее к этой сильно лелеемой здесь мечте».

51 Уже используя, хотя и крайне редко, это понятие, он чаще прибегал к другим оборотам, такому, например, как «национальное возбуждение».

52 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 5-5об. Российская дипломатия в лице Гирса, хотя и с некоторой осторожностью, но в целом достаточно позитивно воспринимала румынские национальные устремления в отношении Трансильвании, видя в них (исходя из сугубо прагматических соображений) средство причинить дополнительные неудобства конкурирующей державе (Австро-Венгрии). Сложнее обстояло дело с отвлечением внимания

При этом Гирс в своих депешах в Петербург показывал, что не только вышеупомянутый греко-румынский конфликт из-за македонских куцовлахов, но куда в большей мере вопрос о положении румын в Трансильвании использовался во внутриполитической борьбе королевской Румынии при частой смене правительств и правящих партий: какая бы из партий ни находилась у власти (либералы либо консерваторы с участием «третьих сил»), оппозиция обвиняла действующее правительство в уступчивости, пренебрежении национальными интересами, причем обвиняла в расчете на то, что наберет очки в предвыборной борьбе и, заручившись поддержкой короля, окажется у власти. Наблюдая за перипетиями румынской внутренней политики и критикой разными силами друг друга за невнимание к нуждам трансильванских соплеменников, Гирс неизменно видел в жесткой национальной политике Будапешта фактор в общем благоприятный для России, ибо он способствовал отдалению Румынии от Австро-Венгерской монархии, а значит хотя бы некоторому усилению в ее внешней политике проантантовского и пророссийского вектора.

Вместе с тем «национальное возбуждение» румын, как справедливо отмечал Гирс, касалось напрямую не только западного соседа королевской Румынии, т.е. Австро-Венгерской монархии, но и (пусть в чуть меньшей степени) ее восточного соседа – Российской империи[53]. С усилением румынского национализма он связывал заметную активизацию в условиях русской «смуты» румынофильского движения бессарабских молдаван, поддержанного извне – она отчетливо проявилась уже в 1906 г. с возникновением в Бессарабии прорумынских печатных изданий. По оценке российской дипломатии, даже если вспомнить историю с мятежным броненосцем, бросившим якорь в румынских водах, события, развернувшиеся начиная с 1905 г. в России и «потрясающие ее внутренний строй», не произвели на румынское общество слишком уж сильного впечатления; при отсутствии у здешнего населения серьезных экономических интересов в России оно, несмотря на близость границы, взирает на происходящее в соседней державе с известным равнодушием, большее внимание привлекает греко-румынский конфликт. Однако это господствовавшее в местном обществе настроение пришлось не по вкусу тем, кто, «не довольствуясь успехами, достигнутыми консервативным правительством в македонском вопросе и

румынской элиты от бессарабского вопроса переориентацией его на Трансильванию, ведь румынский национализм, как отмечалось выше, был оружием, потенциально угрожавшим территориальной целостности обеих империй.

[53] Как читаем в одном из донесений, висящая на витрине главной ясской книжной лавки символическая карта исторических молдавских земель с намеком на румынскую принадлежность Бессарабии и Буковины свидетельствует «о бодрствующем ирредентизме румын, усердно насаждаемом и заботливо культивируемом здесь с молодых лет в подрастающем поколении самою школою» - в этом достаточно убедиться, полистав любой румынский учебник истории. См.: Там же. Д. 1704. Л. 26.

считая вероятно настоящий момент особенно удобным для расширения своей националистической пропаганды», был «не прочь вызвать далеко не желательные нам осложнения в Бессарабии», считая состояние умов в этом крае благоприятным для такой деятельности ввиду «сильного ослабления русской административной власти и ея престижа»[54].

По оценкам Гирса, звучавшим в его донесениях 1906-1908 гг., эта работа румынских агитаторов в Бессарабии пока еще не представляла, как отмечалось и выше, серьезной опасности для целостности российского государства, однако если она не будет своевременно обуздана, то смогла бы увлечь и «благоразумные элементы», приобретя угрожающие масштабы и приведя к совсем нежелательным последствиям[55]. Поэтому не только губернские власти должны были принять соответствующие меры предосторожности; румынскому правительству также следовало бы заняться осевшими в стране поборниками радикальных национальных устремлений из числа коренных бессарабцев (типа бывшего российского политического ссыльного, а ныне ясского профессора Константина Стере, при поддержке Ионела Брэтиану прорвавшегося в румынскую политическую элиту)[56]. И не только ими, но и эмигрировавшими в Румынию русскими социалистами и анархистами, не проявляющими особого интереса к проблеме национального единства румын поверх государственных границ, но склонными (если для этого сложатся условия) использовать и ее как орудие ослабления российской власти[57]. Мощное крестьянское восстание весны 1907 г. в Румынии, и не в последнюю очередь в Запрутской Молдове, в непосредственной близости от российско-румынской границы, лишь усилило озабоченность как дипломатической миссии, так и губернаторской и даже центральной власти, опасавшихся, что усилиями разного рода подстрекателей волнения перекинутся и в Бессарабию с ее отчасти «одноплеменным населением» (этого не произошло)[58].

---

[54] Там же. Ф. 169/2. Оп.511/1. Д. 188. Л. 16-20.

[55] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 680. Л. 128-129об.

[56] Как говорил Гирс Я. Лаховари, в интересах самого румынского правительства «положить предел предосудительной пропаганде, могущей привести к нежелательным недоразумениям между нашими государствами» (Там же). В связи с деятельностью Стере см.: Там же. Д. 683. Л. 61-65.

[57] Как констатировал в письме Гирсу русский консул в Яссах, «соседняя страна становится всё более и более излюбленным местом убежища для известной категории русских политических выходцев, поддерживающих деятельные сношения с последователями небезопасных для нас тенденций и домогательств румынского национализма» (Там же. Ф. 169/2. Оп.511/1. Д. 189. Л. 25-26. См. также: Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 683. Л.134-136об

[58] Волнения с каждым днем принимают все более тревожный характер, захватывая почти всю страну, телеграфировал Гирс на Певческий мост 12 марта 1907 г., «полагаю, что в виду его эпидемического характера необходимо спешно принять чрезвычайные меры предосторожности, дабы оно не распространилось на Бессарабию» (Там же. Д. 684. Л. 17). См. также: Там же. Д. 683. Л. 145. Весьма показательна также телеграмма Гирсу министра

Как явствует из его депеши, относившейся к 1906 г., Гирс ожидал, что румынское правительство, заинтересованное в российской поддержке в македонском вопросе (давлении на Константинопольскую патриархию в интересах обеспечения прав куцовлахов на пользование родным языком в богослужении), до некоторой степени обуздает своих пропагандистов, в том числе нашедших прибежище в Румынии радикально настроенных выходцев из Бессарабии. Король Кароль, хотя и поощряет развитие национальных стремлений румын, поддерживая непосредственные сношения «с вожаками румынской народности в Трансильвании и Буковине», вместе с тем в силу присущей ему осторожности, приобретенной за четыре десятилетия правления, никак не решится выступить со знаменем национальных вожделений румын, пока для этого не сложатся благоприятные обстоятельства, способные обеспечить его стране безнаказанность. По мнению Гирса, не подлежало, однако, сомнению, что «благодаря крайнему развитию национальных чувств румыны в душе всегда будут сочувствовать всему, что может послужить к сближению бессарабцев с их соплеменниками Королевства»[59]. И сам король внимательно следил за положением в Бессарабии, «лелея, может быть, мечту, что приближается время присоединения этой нашей губернии к Румынской короне»[60]. Хотя обстоятельства для этого не сложились, Гирс призывал быть к ним готовыми.

В своей переписке с бессарабскими губернскими властями (а за его 10-летнее пребывание во главе российской миссии в Бухаресте в этой губернии сменилось несколько губернаторов, в том числе такие яркие фигуры, как князь С.Д. Урусов и А.Н. Харузин) М.Н. Гирс не уставал им напоминать о стремлении румынского правительства к поддержанию среди румын, разбросанных по разным странам, чувств национального единства. «Оставляя в стороне тенденциозные планы о соединении в будущем румынских народностей под одной властью, я не могу не признать, что систематически проводимые в жизнь идеи эти создают в приграничных к Румынии странах весьма ненадежный элемент, тяготеющий по своим симпатиям к своим иностранноподданным сородичам. Существование означенного элемента необходимо иметь в виду при тех или иных осложнениях»[61]. Считая важным выявление настроений в приграничных с Бессарабией румынских уездах, Гирс снабдил консульство в Яссах необходимыми инструкциями.

иностранных дел А.П. Извольского от 11 марта: «Происходящие в Молдавии беспорядки ввиду принятых ими размеров по соседству с нашей территорией весьма озабочивают МВД. Благоволите самым тщательным образом собирать сведения о совершающемся и периодически сообщить таковые министерству по телеграфу» (Там же. Д. 684. Л. 15).

59 Там же.. Д. 2796; Documente privind istoria românilor. P. 604.

60 Ibid.

61 См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 83-84.

В 1906-1907 гг., когда на волне революции в российских политических кругах (и в том числе в Государственной думе) дискутировался вопрос о возможном предоставлении автономии некоторым национальным окраинам империи, вести об этом дошли до российской миссии в Румынии. Исходя из своего дипломатического опыта, Гирс приходил к следующему выводу: каков бы ни был взгляд императорского правительства на возможность предоставления автономии нашим окраинам, нельзя допустить, чтобы автономные стремления были искусственно вызываемы пропагандою далеко не беспристрастною, исходящую из соседнего государства[62].

Не ограничиваясь в своих донесениях проблемами международных отношений и национальным вопросом, Гирс уделял должное внимание и внутренней политике страны, не отделимой от острой межпартийной борьбы, и ее экономическому развитию. Приоритетным для румынской элиты делом должно было стать, по его глубокому убеждению, разрешение аграрного вопроса, об остроте которого дало знать мощное крестьянское восстание 1907 г. Только принятие чрезвычайных мер могло гарантировать неповторение такого рода потрясений, угрожавших перекинуться и в Бессарабию. Гирс, однако, хорошо осознавал и трудности в преодолении социального конфликта, в котором землевладельцам из знатного боярства и выступавшим от их имени арендаторам (как правило, еврейского происхождения) противостояло обнищавшее крестьянство, по своему материальному положению и культурному уровню отличавшееся в невыгодную сторону не только от румынских крестьян Трансильвании, но и от крестьян Болгарии, где после 1878 г. было по сути ликвидировано феодальное землевладение. По его прогнозам, «немногочисленный, но европейски образованный и опытный в государственном управлении класс землевладельцев – будь то консерваторы или либералы – привыкший сосредоточивать в своих руках все политическое влияние в стране, не легко расстанется со своим привилегированным положением, а с другой стороны, темные народные массы, полные несбыточных надежд на возвещенные реформы, едва ли удовлетворятся теми полумерами», на которые готово пойти правительство[63]. На путь открытого выражения недовольства, продолжал он, их будет толкать пропаганда социализма, свившего себе гнездо в Румынии усилиями, не в последнюю очередь, выходцев из России. Вместе с тем по мере развертывания реформ, которые проводило либеральное правитель-

[62] Там же. Д. 683. Л. 65. Если даже допустить, что Бессарабия действительно «стала уже настолько русскою губерниею, что никакие сепаративные стремления не могут иметь там места, все же не следует терять из виду, что румыны Королевства иначе смотрят на дело; - они нисколько не отказались еще от надежды на возможность, хотя бы в отдаленном будущем, воссоединения с Румынией этой области, населенной их сородичами», - читаем в другом донесении Гирса (1908): Там же. Д. 688. Л. 57-60.

[63] Там же. Д. 683. Л. 129-130.

ство с участием молодого Брэтиану, Гирс уже был склонен предостерегать от чрезмерного радикализма реформаторов, по его мнению, чересчур увлеченных улучшением быта румынского крестьянина в ущерб законным интересам землевладельцев. Слишком радикальным ему показался принятый закон об ограничении площади арендуемых земель, ставивший его инициаторов из либерального лагеря в очень уязвимое положение перед лицом политических противников из стана консерваторов, которые после возвращения к власти предпримут усилия для его пересмотра, что не будет способствовать внутриполитической стабильности[64].

В донесениях дипмиссии не обходились стороной и проблемы экономических связей России и Румынии. Гирс не раз доводил до сведения Петербурга, что русским предпринимателям имело бы смысл воспользоваться очевидными трениями в торговых отношениях Румынии с Австро-Венгрией в интересах продвижения российских товаров на румынский рынок[65]. По мнению дипмиссии, Россия могла бы успешно выступить в качестве поставщика железнодорожного подвижного состава, рельсов и других продуктов металлургии, причем ее более активное присутствие в экономике стало бы, как постоянно подчеркивал Гирс, и фактором расширения политического влияния в Румынии. В то же время существовала установка не оказывать прямого содействия румынским фирмам в их проникновении на российский рынок, ибо это не способствовало бы развитию отечественного производства в соответствующих отраслях экономики[66].

Высокий профессионализм М.Н. Гирса как карьерного дипломата позволял ему нередко давать верные прогнозы, касавшиеся как хода внутриполитической борьбы в Румынии, так и эволюции ее внешней политики. Довольны точны были его характеристики отдельных политиков. Так, в одной из телеграмм 1908 года, адресованных в МИД, он предвидел большое политическое будущее И. Брэтиану младшего, «несомненную роль его

---

[64] Там же. Д. 686. Л. 60-61.

[65] Как отмечалось выше, существовало противодействие венгерских аграриев ввозу в пределы двуединой монархии конкурентоспособной румынской аграрной продукции. Тем не менее, в 1909 г. после длительных проволочек Вена пошла на продление двустороннего торгового договора на достаточно выгодных для Бухареста условиях, что поставило Румынию в более благоприятное положение в сравнении с Сербией и Болгарией. Эта уступка, ставшая дипломатическим успехом румынской стороны, была связана с заинтересованностью Австро-Венгрии в том, чтобы заблокировать возникшую на фоне Боснийского кризиса возможность сближения Румынии с Сербией, а в конечном итоге и с Россией.

[66] Как писал российский консул в Яссах в декабре 1907 г. в оргбюро всероссийского союза экспортеров и торговых посредников, «было бы однако неосновательно ожидать от Русского Консульства деятельного участия или хотя бы только содействия в таком предприятии, как задуманное Оргбюро систематическое поощрение и облегчение иностранного ввоза в Россию к явному ущербу родной промышленности». См.: АВПРИ. Ф. 169/2. Оп.511/2. Д. 189. Л. 123.

в дальнейшем направлении политической жизни страны»[67]. Отмечая его крайний национализм и политический цинизм, выразившийся в готовности воспользоваться внутренними проблемами в Российской империи для активизации пропаганды в Бессарабии[68], он в то же время обращал внимание на присущие ему гибкость и тактическое мастерство, проявлявшееся в склонности к «свободе рук», нежелании связывать себя далеко идущими обязательствами ни с одной из противостоящих сторон (будь то Тройственный союз или Антанта), в умении выжидать, чтобы встать в конце концов на сторону потенциального победителя – эта тактика в полной мере использовалась в его деятельности во главе румынского правительства в годы Первой мировой войны – постоянные зигзаги Брэтиану, нарушения им договоров, измены недавним союзникам воспринимались во всем мире как апофеоз политической беспринципности, но позволили королевской Румынии не только оказаться в стане победителей, но почти вдвое увеличить свою территорию[69]. В полной мере сбылись в 1918 г. и прогнозы Гирса 1906-1907 гг. касательно притязаний Румынии на Бессарабию, с которыми она не преминет выступить в условиях глубокого внутриполитического кризиса в Российской империи, угрожающего ее развалом.

Говоря же об общей динамике российско-румынских отношений в период пребывания М.Н. Гирса во главе дипмиссии в Бухаресте, то она была позитивной, во многом и благодаря усилиям его как дипломата, успешно и последовательно проводившего на своем конкретном направлении общую линию российского МИДа. Как справедливо заметили румынские историки Ф. Соломон и А. Кушко, «конечно, было бы преувеличением утверждать, что напряженность и взаимная подозрительность, настолько часто проявлявшиеся в течение двух десятилетий после Берлинского конгресса, совершенно исчезли, или что Российская империя перестала играть роль некоего “другого”, угрожающего и всегда присутствующего во внешнеполитических соображениях румынских властных структур. Это являлось, скорее, лишь началом постепенной “нормализации” образа России, которая достигнет своей кульминации лишь в период Балканских войн и будет окончательно “освящена”» визитом Николая II в Констанцу в июне 1914 г. «И все же, в эти годы появлялись многократные примеры совместимости российской и румынской внешней политики, которые с трудом можно было бы представить ранее. Такая динамика была обусловлена, прежде всего, относительно осторожной политикой России в балканском регионе, начало которой было положено соглашением 1897 г. между Австро-Вен-

[67] Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 686. Л. 223-224об.
[68] Там же. Л. 146-148.
[69] См.: *Виноградов В.Н.* Румынский сфинкс Ионел Брэтиану // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. редактор А.Л. Шемякин. М.: Инслав РАН, 2009. С. 196-220.

грией и Россией»[70]. Россия все более воспринималась румынской элитой как потенциальный партнер по серьезному диалогу в условиях изменения баланса сил в Юго-Восточной Европе.

Донесения и телеграммы Михаила Николаевича Гирса в МИД Российской империи в бытность его посланником в Румынии в 1902 – 1912 гг. – ценный источник по истории русско-румынских отношений в начале XX в., позволяющий дать их более полную картину и в определенной мере раскрывающий методы, к которым в данный исторический период российская дипломатия прибегала в этой соседней стране, имевшей немалое стратегическое значение для политики Санкт-Петербурга на балканском направлении.

[70] Documente privind istoria românilor. P. 45.